

М.Г. Павловец, М.Г. Павловец

Тихий Дон
Основное содержание

Книга третья

Часть шестая

В апреле 1918 года был завершен раздел Области Войска Донского. Казаки, живущие на бедной земле северных округов, не имевшие ни виноградников, ни рыбных и охотничьих промыслов, резко отличались от зажиточных, а потому более спокойных и благонадежных низовцев. Именно верхний Дон был оплотом для всех бунтовщиков, начиная с Разина и кончая Секачом. Даже в позднейшие времена, когда все Войско глухо волновалось под гнетом державной десницы, казаки северных округов не боялись открытой борьбы, выбирали атаманов, трясли царские устои, поднимая на бунт сломленное Запорожье. И теперь они поддерживали красные войска и, теснимые казаками низовских округов, отходили к границам области.

К концу апреля Дон был на две трети оставлен красными. В связи с этим явственно наметилась необходимость создания областной власти, в Новочеркасске был назначен сбор Временного донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей. На станичном сборе в числе остальных делегатов на Круг был выбран и Пантелей Прокофьевич; его сват, Мирон Григорьевич Коршунов, стал хуторским атаманом. 3 мая на вечернем заседании войсковым атаманом был избран генерал Краснов. Старикам он был по душе — георгиевский кавалер, многие служили с ним в японскую войну. Либеральную интеллигенцию удовлетворяло то, что Краснов не только генерал, но и как-никак писатель — культурный человек. Офицеров прельщало в Краснове прошлое: светский, блестяще образованный, бывший при дворе и в свите Его Императорского Величества. В нем, выступающем с растроганным и взволнованным лицом, принимавшем картинные позы, многие увидели отражение былого величия империи.

Законы, предложенные Красновым, представляли собой наспех переделанные старые. Даже флаг напоминал прежний: синяя, красная и желтая продольные полосы (казаки, иногородние и калмыки). Только герб в угоду казачьему тщеславию был новым.

Между тем казаки воевали по-прежнему неохотно. Сотня Петра Мелехова продвигалась через хутора и станицы к северу. Красные где-то правее шли спешно, не принимая боя. Петр да и все казаки решили, что к смерти спешить не имеет смысла. Однако на пятые сутки их догнало распоряжение штаба о расформировании сотни: из старших сформировывали в Казанке Двадцать восьмой полк, отдельно вызывали батарейцев и пулеметчиков, остальные направлялись в Арженовскую в Двадцать второй.

Снова расходились пути братьев. Петра волновало настроение младшего Мелехова, в недавнем прошлом воевавшего на стороне большевиков. Неохотное уверение Григория в соблюдении им верности казакам не рассеяло сомнения, но только усилило непонимание между братьями, до сих пор близкими друг другу.

Другой хуторянин Мелеховых — Мишка Кошевой — был снят с этапа благодаря мольбам матери и направлен отарщиком. Жить в степи под открытым небом, вдали от войны и ненависти поначалу нравилось Мишке. Душой он отдыхал, глядя на спокойно пасущиеся табуны лошадей. Сытая и беззаботная жизнь порождала такие же ленивые мысли: стоит ли дальше продолжать бой, справиться же могут и без него. Однако, постепенно трезвея, он стал осознавать, что засасывает его эта отрешенность от всего, что не имеет он права в такое тяжелое время быть вдали от людей. И стал чаще навещаться Михаил к другому отарщику-соседу, казаку Солдатову, в полной мере живущему простой

первобытной жизнью. Казаки сблизилась, не раз вместе сидели перед уютным костерком, деля добытую Солдатовым — искусным охотником — дичь. Как-то раз вывел Илья Солдатов Мишку на откровенный разговор — чуть убийством не окончились чистосердечные Мишкины признания. Закрыл Кошевой рот на замок, а сам решил бежать из отарщиков во что бы то ни стало. В ту же ночь еще раз подвел Мишку собственный голос: крикнул косяку лошадей, напуганных грозой, хотел успокоить, да встревоженные лошади бросились на звук, чуть до смерти не затоптали. Месяц отслужил Михаил Кошевой на отводах, за примерную работу был отозван в станицу, затем направлен в штрафную сотню. На фронте пытался перебежать к красным, да следили за ним пуще глаза, и побег не удался.

За время ледового похода (отступления из Ростова на Кубань) есаул Евгений Листницкий был ранен два раза. Получил отпуск и, как ни хотелось побывать дома, остался в Новочеркасске, чтобы не терять времени на дорогу. Отдыхал он у своего однополчанина ротмистра Горчакова, ушедшего в отпуск одновременно с Евгением. Познакомился с необыкновенно обаятельной женщиной — женой товарища, Ольгой Николаевной. Не по-доброму завидуя голубиной чете Горчаковых, их взаимному огромному счастью, Листницкий увлекается Ольгой Николаевной. Его неотступные настойчивые взгляды вынудили Горчакову пойти на откровенный разговор, а поскольку женщина она была благородная, воспитанница века минувшего, искренно предложила она Листницкому остаться друзьями и прекратить это молчаливое домогательство.

Вскоре Горчаков и Листницкий покинули Новочеркасск, влились в ряды Добровольческой армии, готовящейся к масштабному наступлению. В первом же бою ротмистр Горчаков был смертельно ранен. Перед смертью просил Евгения не оставить Ольгу Николаевну. Листницкий дал обещание товарищу жениться на вдове. Обещание свое выполнил, вернувшись в Новочеркасск после тяжелого ранения. К службе Листницкий был уже не годен: ему ампутировали руку. Выполнив приличия траура, Листницкий и Ольга Николаевна поженились. Все время ожидания Листницкий проводил в поисках в себе каких-то возвышенных чувств, прекрасно осознавая, что наряду с ними его наполняет, возможно даже в большей степени, обычное плотское желание: он страстно хотел обладать этой женщиной, случайно оказавшейся на его пути. Им по-прежнему правил разнузданный и дикий инстинкт — «мне все можно». Осознавая гибель того дела, ради которого ходил на смерть, он спешил побыстрее связать свою и Ольгину жизнь.

Ольга Николаевна, безутешно оплакивая смерть мужа и не видя смысла в своем осиротевшем будущем, выполнила завещание Горчакова, высказанное в его последнем письме. Она вышла замуж за Евгения Листницкого. Первая же ночь, проведенная вместе, окончательно разделила их. Ольга была оскорблена; Листницкий удовлетворен, счастлив. Теперь ему оставалось решить только один, со временем все более тяготивший Евгения вопрос: как поступить с Аксиньей. Поначалу решил продолжить с ней отношения, однако кровная порядочность взяла свое, решил по приезду расстаться. Осунувшейся после замужества, но все равно еще милой Ольге Ягодное понравилось своей тишиной, старик-отец согрел ее своим теплым отношением, своей немного старомодной галантностью. Среди дворни она сразу выделила красавицу горничную («вызывающе красива»).

С приходом молодой женщины все в доме преобразилось: прежде ходивший по дому в ночной рубахе старый пан приказал извлечь из сундуков пропахшие нафталином сюртуки и генеральские, навыпуск, брюки, ругался с Аксиньей из-за невычищенных утром сапог, кричал на деда Сашку за неопрятность. Сам он заметно помолодел, посвежел, удивляя сына неизменно выбритыми щеками. Аксинья же чувствовала близость развязки, с ужасом ждала конца. Разговор с отцом подтолкнул нерешительного Листницкого к действиям. Несмотря на то что беседа по душам с Аксиньей закончилась новой между ними близостью, ей было предложено поскорее покинуть Ягодное, взяв отступное. Удовлетворив свое и Аксиньино ненасытное желание, Листницкий навсегда расстался с любовницей.

К тому времени в хутор Татарский вернулся бежавший из плена Степан Астахов. Статный, широкоплечий, в пиджаке городского покроя и фетровой шляпе, был он совсем не похож на того хуторского Степана, которого раненым оставили казаки на поле битвы. Мишка Кошевой, встретив Астахова на дороге к хутору, не сразу признал в нем своего соседа, нежданно-негаданно приехавшего из самой Германии, где, судя по внешнему виду и его рассказам, он неплохо проводил время, пригретый богатой вдовой-немкой. Первые дни Степан отлеживался в доме Аникушки, редко показываясь из хаты. Навестил его и Пантелей Прокофьевич, слезно уговаривая заходить в гости; спокойствие, с каким принял его Степан, старика Мелехова вдохновляло. Степан приглашение принял, к тому же Кошевой его предупредил, что Григорий вернулся к жене, Аксинью оставил.

Постепенно Степан утрачивал свою выдержку и спокойствие, возвращалась к нему привычная всем общительность, менялась речь, до этого поражавшая хуторян своей вычурной правильностью (он говорил как иностранец, медленно и тщательно подбирая слова): невидимая грань, отделявшая его от остальных казаков, стиралась. С Аксиньей он решил помириться, вычеркнуть из памяти все прошлые обиды. Сначала послал в Ягодное с примирением Аникушкину жену — ей Аксинья велела передать отказ: живется ей при панах хорошо и менять такую сытую и чистую жизнь на черную казачью она не намерена. Однако состоянием Степана поинтересовалась. Несмотря на отказ, Астахов во второй раз решил испытать судьбу и отправился в Ягодное самостоятельно. Аксинья, которая уже была готова вернуться (и из панского дома просили ее уходить, и Степана жалко стало), вдруг (сама того не ожидая) снова отказала Степану. Но уже на следующий день, собрав свои пожитки, ушла Аксинья в хутор, к мужу.

Хутор жил суетливо, но глухо. Мыслями все тянулись к далекому фронту, ждали черных известий о казаках. Казаки же воевали неохотно. В это время дома не хватало рабочих рук, женщины и старики не справлялись с повседневной тяжелой работой, от которой к тому же отрывали их назначения в обывательские подводы, доставлявшие фронту боеприпасы и продовольствие.

Краснов заигрывал с иностранными представителями. Устраивал банкеты и смотры, где демонстративно целовал своих казаков, а в это время шли расстрелы, продолжалась братоубийственная война. Еще в мае, выполняя пожелание майора германской армии, прибывшего в Новочеркасск представителем германского командования, Краснов написал письмо, в котором заверял своих союзников в соблюдении полного нейтралитета и обещал не допускать на свою территорию «враждебные германскому народу вооруженные силы». Краснов гарантировал Германии право вывоза продовольствия (хлеба, кожевенных товаров, шерсти, рыбных товаров и прочего), право на льготы в размещении капиталов по донским предприятиям промышленности и торговли. Взамен же просил поддержки по устройству самостоятельной федерации Доно-Кавказского союза, признать границы Всевеликого Войска Донского, помочь разрешению спора между Украиной и Войском Донским, оказать давление на Москву, заставив очистить пределы держав Доно-Кавказского союза. Это откровенно грабительское послание было холодно принято казачьим правительством.

Наметились разногласия Краснова и с командованием Добровольческой армии, которое расценивало союз с немцами как измену. Добровольческая армия отказалась от совместного похода на Царицын (стратегически важную точку для Донского правительства), а Краснов не поддержал предложения Деникина о слиянии армий и установлении единого командования. Чувствуя себя Наполеоном, он не собирался отдавать свою власть никому другому. Тем временем недовольство в рядах Донской армии росло. Сотня Григория Мелехова вошла в полосу непрерывных боев. Превосходство казаки одерживали лишь потому, что противостояли им морально шаткие части из свежемобилизованных красноармейцев прифронтовых земель. Но стоило вступить в бой рабочему полку, матросскому отряду или коннице, как инициатива переходила в руки Красной Армии.

Первоначальное любопытство Григория (с кем же приходится воевать, кто такие эти московские рабочие) уступило место все возрастающей ненависти и злобе. Это они, чужаки, вторглись в его жизнь, оторвали от земли. Такое чувство завладевало большинством казаков. Бои становились все более ожесточенными. Меньше брали в плен. Участились случаи расправ над пленными. Обычными стали грабежи: брали у заподозренных в сочувствии большевикам, у семей красноармейцев. Однако Григорию это было противно. С отвращением относился он к грабежу своих же казаков. За чрезмерную мягкость его даже отчитало начальство. Тем не менее свою сотню он продолжал держать в строгости. Поразила его встреча с отцом, приехавшим с обозом. Пантелей Прокофьевич с удовольствием отправлялся с обывательскими подводами, перед этим заезжая к Петру, разживался там «товаром», теперь за тем же заявился и к младшему сыну. Григорий его оборвал, согласившись дать только винтовку. Однако хозяйственный Пантелей Прокофьевич, дождавшись утреннего отъезда сына, дочиста обобрал гостеприимных хозяев («твое — мое — богово...»), прихватив даже банный котел (едва донес его — в хозяйстве все пригодится!).

Всех раздражала даже эта игрушечная война (в боях с немцами выкашивались целые полки, а здесь один-два человека — урон). За любопытством и удивлением, за ненавистью и злостью пришло новое чувство — безразличие. Григорий прекрасно понимал настроения казаков: отогнать красных за пределы земель Войска Донского и разойтись по домам, отстоять свое, а чужое казаку не требуется, за чужое казак голову класть не намерен. Он знал, что не будет никакой затяжной войны, что к зиме сломается фронт, исчезнет, так как на пределе терпение казаков, все сильнее расходятся их пути с офицерскими, их интересы с интересами власть имущих. Три коня было убито под Григорием за одну осень, в пяти местах продырявлена шинель. С середины ноября началось активное наступление красных. Казачьи части все упорней теснили к железной дороге. Наступил перелом, и Григорий отчетливо осознал, что раскручивающуюся пружину отступления остановить уже не удастся. И как-то, исполненный радостной решимости, Григорий самовольно покидает полк. Он решает пожить дома и присоединиться к отступающим войскам, когда те будут проходить мимо.

Петро Мелехов, который служил в 28-м полку хорунжим, вместе с полком добрался до Вешенской, а уже оттуда, не выдержав, сбежал домой.

Почти все татарские казаки, бывшие на Северном фронте, вернулись в хутор. В ночь после возвращения Петра, расстроенного большевистскими выступлениями на митинге в станице Вешенской, в курене Мелеховых проходил семейный совет. Никто не ждал милости от Советской власти по отношению к казакам-офицерам, поэтому решили отступить. Однако из хутора они так и не вышли. Оставить все добро, живность и тем более своих женщин на разорение красным они не могли. Григорий не мог забыть изнасилованную казаками полячку Франю, Петро прекрасно помнил недавно расхищенные, растасканные по жердочке дома в захваченных казаками хуторах. Казачья бережливость взяла свое, решено было остаться. С радостью приняли это решение Мелеховы, а казаки хутора, узнав, что даже офицеры отказались идти в отступную, все как один постановили, что и им сам Бог велел куреней своих не покидать.

И жизнь в хуторе потекла в своем обычном русле. Волновало только появление красноармейцев. А они себя ждать не заставили. Красноармейцы толпой валили вдоль улицы, пятеро завернули к базу Мелеховых, остановились у них на ночь. С одним из них сразу не сложились отношения у Григория. Взбешенный убийством цепной собаки, принадлежавшей Мелеховым, и необходимостью молчать при этом, Григорий с ненавистью провожал пожилого красноармейца взглядом. Красноармеец Александр Тюрников отвечал ему тем же, постоянно задирая и поддразнивая хозяина. Другой же, рослый и рыжебровый, своего товарища останавливал, одергивал. А когда ночью Александр привязался к Наталье, рыжебровый не выдержал и привел комиссара. Александра Тюрникова увели, пообещав наутро устроить над ним суд, а рыжебровый, оправдываясь за товарища,

объяснил, что в прошлом году у того на глазах офицеры расстреляли мать и сестру, с тех пор и озверел красноармеец Александр Тюрников. Сам рыжебровый, прощаясь, подарил детям Григория по куску серого от грязи сахара, чем несказанно растрогал Пантелея Прокофьевича, заставившего Наталью догнать красноармейца и дать ему в дорогу пышку.

В другой раз наведывались в хутор советские войска за лошадьми, но здесь хитрый Пантелей Прокофьевич выход нашел, забив под копыта коням по гвоздю — хромают и все тут. Однажды едва не нарвался Григорий на красноармейские пули: на вечеринке в доме Аникушки от молодой казачки он узнал, что красные договорились убить казачьего офицера. Григорий бежал и, как волк, до утра скрывался, прячась в брошенной копне сухого чакана.

Фронт прошел, отгремели бои. В хуторе Татарском установилась Советская власть, заправляли всем избранные на хуторском сборе Иван Алексеевич (председатель, «красный атаман»), Мишка Кошевой и Давыдка-вальцовщик. Оружие казакам велели сдать, неподчинившимся — расстрел. И зажил хутор своей горькой, придавленной жизнью. В начале мяседа одну лишь свадьбу справили: Мишка Кошевой выдал замуж сестру, да и то хуторяне удивлялись — выбрал время. Слух пошел, что не так страшен прокатившийся фронт, как идущие ему вдогон по станицам и хуторам комиссии и трибуналы: охраняли большевики свою власть, чиня расправы и расстрелы бывших казачьих офицеров и атаманов, авторитет которых прививался в казачьей среде с давних времен.

Не так добро, как жизнь нужно было спасать. И собрался Петро Мелехов к своему бывшему однополчанину Фомину, в прошлом — дезертиру с немецкого фронта, теперь — красному командиру. Собрался с подарками и подношениями — жизнь свою выкупать. Гостинец выбирал тщательно, было из чего: еще на фронте хозяйственный в отца Петр нагребил много разного добра, нередко сам не понимая назначения диковинных ворованных вещей. Заступничество Фомина действительно помогло позднее Мелеховым. На какой-то момент оно отсрочило не только арест Петра, но и Григория, которого Иван Алексеевич обоснованно считал одним из самых опасных людей для Советской власти. Арестовали в хуторе Татарском семерых стариков, в их числе оказались бывший атаман, сват Мелеховых, Мирон Григорьевич Коршунов и Силян Иван Авдеевич (прозванный в народе за свои вечные выдумки Брехом, так и звали — Авдеич Брех). Всех семерых расстреляли. Ужаснулись хуторяне, забурлили. Все понимали, за что расстреляли Коршунова, хоть и жалко его и вдову с осиротевшими детьми. Знали хуторяне, что не мог он мириться с властью бедняков. Работники, чьим трудом он наживался, разбежались — в девять раз уменьшился посев. Работать на землю шел Коршунов не в удовольствие, а по привычке: руки его опустились, хозяйство разорялось; душа изболелась за сына, который неизвестно где пропадал в отступном. Не скрываясь, агитировал он против новых начальников, призывал хуторян (а однажды и смертельно напуганного такими речами Пантелея Прокофьевича) к восстанию. Ненависть новой власти к таким, как Коршунов, была понятна. Казаки, сами воины и захватчики по обязанности, не раз чинили расправы на завоеванных землях. Однако не понимали они вины Авдеича Бреха, Кашулина, Майданникова, Богатырева или Королева, таких же, как они — темных, неграмотных тружеников.

В это время в хутор возвращается постаревший, осунувшийся Иосиф Давыдович Штокман. Следа не осталось в нем от тихого, спокойного слесаря: научился он и складные речи вести, и завлекать людей своим примером, научился быть жестоким и непримиримым с врагами власти, за которую сам готов жизнь положить. Очень хуторское правление нуждалось в таком человеке, потому так и обрадовались его появлению Иван Алексеевич и Мишка Кошевой. Однако не все начинания Штокмана проходили на хуторе. Так, Осип Давыдович только распугал собрание казаков предложением распределить кулацкое добро по самым бедным казацким семьям: казакам чужого не надо — свое б не отобрали. И разбежались казаки с собрания врассыпную, только бы ноги унести.

Именно Штокман указал на ошибочность отвода ареста Петра, Григория и Пантелея Прокофьевича Мелеховых. Два офицера, сражавшихся против Советской власти, и делегат Круга — самые страшные враги (слишком уж уважают их хуторяне, а так как их двор всегда был одним из самых зажиточных, то ясно, что сами они добровольно со своим добром не расстанутся). Однако арестовать Мелеховых сразу не удалось: Петр и Григорий ушли с обывательскими подводами, а отец их лежал в тифе.

Не успел Пантелей Прокофьевич окончательно оправиться после тяжелой болезни, как пришел милиционер и арестовал его, дав на сборы десять минут. А через два дня вернулся домой Григорий. Однако Петр, сообщив ему об аресте отца, развернул коня Григория с база. И снова Гришка Мелехов почувствовал себя загнанным зверем. Схоронился он у дальнего родственника на хуторе Рыбном, где прожил двое суток. Здесь и застало Мелехова казачье восстание. Не дослушав пламенной речи старика агитатора, вскочил Григорий на своего коня. Бешеной радостью заходило сердце казака, казалось, только сейчас обрел он истинный путь, и от яростной этой радости, помимо его воли, рвался наружу повизгивающий клокочущий хрип. Все было решено и взвешено, пока длинными утомительными днями отсиживался Григорий в кизячном логове, будто и не было за его плечами боев на стороне большевиков, будто не он разбивал карательный отряд Чернецова. Теперь он точно знал своих врагов — это те, кто стал врагом всему казачеству, кто покусился на его свободу и землю, кто осиротил их курени, войдя без боя, грабил и издевался над их женами. Бешенство возрастало в Григории с каждым стуком конских копыт. Надо биться с тем, кто хочет отнять его жизнь.

Подобные чувства переполняли большинство горячих казачьих голов. Биться насмерть с русскими мужиками, вырывать у них тучную донскую землю. Трепещущее противоречие: «Богатые с бедными, а не казаки с Русью...» — быстро затихало под жгучей обидой. Пустили, попробовали — хватит... Первым восстал хутор Красноярский Еланской станицы: решили казаки после очередного ареста отстоять своих стариков («с ними расправятся, а потом и за нас возьмутся»). Пошли в бой вооруженные кто чем: от винтовки до вил и дрючков. Повстанческим отрядам катастрофически не хватало боеприпасов, но казаки до конца бились, отстаивая свое. Многие сознавали близость своего поражения: с одной стороны фронт (развернется и раздавит всей мощью малочисленных невооруженных повстанцев), с другой — обольшевиченная насквозь Воронежская область.

Без особой организации сотни формировались по хуторам и вступали в бой, никак не связанные между собой. Затем, когда восстание разлилось по всей Области Войска Донского, была сформирована структура власти. Вопрос этот мало волновал боевых казаков: они сохранили советы, окружной исполком, даже оставили некогда ругательное слово «товарищ» — старая форма обрела «новое содержание». Был выдвинут лозунг: «За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». Расстрелов действительно не было, расправлялись с коммунистами и им сочувствующими иначе. Не вспомнит история более страшных и жестоких расправ. Так, командира карательного отряда Лихачева, захваченного в плен отрядом Григория, по дороге в Вешенскую конвоиры-казаки изрубили шашками, сначала долго издеваясь над большим, красивым телом (выкололи ему глаза, четвертовали, отрубили нос, уши). Мишку Кошевого однохуторяне чуть не закололи вилами, как дикого зверя, и вынужден он был бежать под прикрытием ночи, как когда-то бежал из Татарского Григорий.

В плен не брали ни с той, ни с другой стороны: казаки — от все возрастающей ненависти и сознания собственного бессилия, красные — с целью полнейшего разгрома казачьего бунта, без возможного повторения.

Погиб от рук Мишки Кошевого Петр Мелехов, сдавшийся на милость победивших его красноармейцев. Участвовали в том бою все жители хутора Татарского (старики, женщины, дети). Дарье даже удалось выстрелить из мужниной винтовки. Все они стали свидетелями гибели своих братьев, отцов и мужей. Не проходит для казаков такое бес-

следно. И вот уже они, умело настроенные гонцами повстанческого правительства, вершили суд на группой арестованных коммунистов, среди которых был и Иван Алексеевич Котляров. Красноармейцев пропустили через хутора, как в старину через строй пропускали солдат, добились их в хуторе Татарском. Началось с убийства Котлярова: избитый до полусмерти, он долго искал в толпе хуторян знакомое лицо, чтобы попросить увести жену и сына, увидел лицо Дарьи Мелеховой, выдвинулся к ней. Тут-то все и произошло: кто-то вложил в руки женщины винтовку. Разгорячась от всеобщего, на нее обращенного внимания, от бабьего неумного тщеславия, подняла она винтовку и выстрелила в упор. Хрипящего в предсмертной агонии Котлярова добил вахмистр-конвоир.

Григорий, до которого дошло известие о сдаче Сердобского полка, заспешил на спасение своих соседей Кошевого и Ивана Алексеевича. Он знал, что они были свидетелями смерти брата, хотел уберечь их от смерти, а заодно и выяснить, кто же убил Петра. В Татарский он опоздал. Дома его встретила перепуганная Дуняша, она и рассказала ему о гибели Котлярова от руки Дарьи. Ильинична ушла из дома, не желая оставаться рядом с женщиной-убийцей, а сама сноха лежала пьяная на полу, спала. Желание убить захлестнуло Григория, от отвращения он пихнул ее ногой и уехал с хутора, даже не повидавшись с матерью.

Мелехов тяжело переживал смерть брата, не ожидал он, что придется вот так рано навсегда им распрощаться. По щеке мертвого уже Петра вдруг скатилась слеза, вздрогнул Григорий, но потом догадался, что это растаял в теплом курене снег. С этого момента Григорий Мелехов, получивший повышение по службе (он уже командовал целой дивизией — то есть занимал генеральскую должность), не знал удержу в бою. В любой схватке, начиная с момента, когда вскакивал он на коня, Григорий преображался, сознание, ум отключались, выступало какое-то интуитивно-звериное чувство — оно и руководило боем до конца. Григорий часто сам вел своих казаков в атаку, по примеру красных командиров не прятался за спины своих подчиненных, но с каждым боем все меньше жизненной силы оставалось в его сгорбленной исхудавшей фигуре.

Как-то, вызванный в Вешенскую на совещание к двадцативосьмилетнему командующему Кудинову, встретил он холеного подполковника Георгидзе, помогающего молодому боевому офицеру Кудинову в составлении тактических маневров армии. Тут и закрадось в душу Григория сомнение, начал он понимать, чьими руками было затеяно это предательское для простых казаков восстание в тылу красных. Казакам было ведь одинаково не по пути как с большевиками, стремившимися уравнивать их с безземельными мужиками и рабочими, так и с белыми офицерами, развязывающими войны лишь с целью собственного обогащения. И теперь твердо понял Григорий, что оказалось казачество между двух жерновов — с одной стороны красные, которые никогда не простят этого бунта, а с другой — расплата от белогвардейцев, которые никогда не забудут оставленного большевикам фронта и жизни хуторов под Советской властью. И нет у казака выбора. Осознавая постепенно все это, запил Григорий. За четыре дня непрерывных гульбищ он заметно осунулся, обрюзг, в глазах начал просвечивать огонек бессмысленной жестокости.

Предложил ему как-то Прохор Зыков (всегдашний устроитель Григорьевых гуляний) отправиться повеселиться к молодой красивой казачке. Здесь друзья вывели Мелехова на откровенный разговор, уговаривая одурманенного самогоном Григория решиться на переворот (не устраивало казаков снова отдаться во власть золотопогонников, к чему привел в конце концов их нерешительный Кудинов). Григорий разговор пресек, так как научился понимать больше, чем простой необразованный казак: сейчас недопустимы никакие разногласия в рядах повстанцев — сомнут как нечего делать. И продолжал воевать, все больше зверея от собственного бессилия что-либо изменить. В одном бою под Климовской рванул Григорий в обычном своем бессознательном состоянии на беспрерывно строчащие красноармейские пулеметы. В какое-то мгновение почувствовал, что сотня его не поддержала, что несется он в бой совершенно один. Но остановиться не было уже никакой возможности. И, жестоко изрубив четырех матросов, бросился вдогон за пятым,

да перехватили Мелехова подоспевшие казаки: за углом бил всю другую пулемет, а чудо может не повториться. Григорий бился в истерике, жалел, что не всех дорубил; вдруг упал с коня и, рыдая, стал кататься по земле и умолять убить его.

Даже гибель брата и многих друзей не смогла развить в Григории той сознательной жестокости, которой гордились другие казаки. Не мог он так же холодно перерубать безоружных пленных, как делал это однорукий Шамиль (осматривая свою «работу» с другими казаками, повторял: «Из трех шестерых сделал»). По-прежнему отсылал взятых в плен в штаб, раз попытался расправиться, да и то какая-то вдруг колыхнувшаяся жалость (даже сам удивился) заставила отменить собственное приказание. Мучился Григорий от этого двойственного чувства все больше и, до конца выжатый войной, заболел, выпросил отпуск и уехал в хутор. Перед отъездом успел Мелехов совершить еще один «странный» поступок: услышав о непрерывно продолжающихся арестах в Вешенской семей ушедших с красноармейцами казаков, ворвался в тюрьму и, угрожая оружием, распустил всех напуганных женщин, стариков и детей, справедливо полагая, что не с ними сейчас воюют его товарищи.

Пять дней прожил в Татарском Григорий. За это время успел он посеять себе и теще несколько десятин хлеба и собрался в дорогу только тогда, когда пришел в хутор стосковавшийся по хозяйству отец. Третье возвращение Григория на родную землю было самым безрадостным. Наталья, наслышанная о его гуляньях, встретила мужа сдержанно, холодно. Не смог он объяснить ей всей глубины своих переживаний, не смогла Наталья понять страшных признаний своего мужа. Разговор с дедом Гришакой, к которому решил обратиться за советом, еще более запутал малограмотного казака. Дед цитировал ему Библию, убеждая Григория, что ведет он войну неправую, что грех восставать даже против такой власти антихристов, убивать своих братьев. Шел от него Григорий, не замечая за своей болью ни красоты несказанно расцветшей по весне природы, ни упоительного желанья и готовности к плодородию и изобилию, которым было наполнено высокое и гордое солнце. Бросился Григорий от отчаяния за последней помощью к женщине, к Аксинье. Снова завязалась их жизнь в крепкий узелок. Но и эта возобновленная связь не принесла ничего, кроме всколыхнувшейся Аксиньиной надежды. Старик Мелехов хоть и заметил дурные действия Гришки, да не смог, как раньше, пресечь их, пройдясь по крутой спине сына чем попадя. Не мог он, Пантелей Прокофьевич, бывший всего-навсего в чине урядника, поднять руку на генерала, даже если тот и был его сыном.

А жизнетворящая сила брала между тем свое. Необыкновенно похорошела Дуняша: уже не мог себе представить Григорий, что вот эта статная казачка бегала когда-то по базу и бились по ее спине смешные тоненькие косички. Быстро оправилась от смерти мужа Дарья. Снова подкрашивала свои черные крутые дуги бровей, принаряжалась, выхаживала перед Григорием по горнице, плавно разворачиваясь своими крутыми бедрами. Не давала ехидная Дарья Григорию покоя. Жизнь брала свое, только Григорий, вычерпанный войной, не мог уже ощущать всей ее прелести, потому и улыбнулся на слова матери, умолявшей его о милосердии к врагам. Практически не восстановив душевных сил, уехал он обратно в дивизию.

К этому моменту восстание замкнулось в границах Верхне-Донского округа, становилось ясно, что долго защищать родные курени казакам не придется: Красная Армия развернется с Донца и раздавит повстанцев. Командование особенно опасалось массового дезертирства в момент полевых работ. Тогда-то и произошло событие, временно поднявшее настроение Донского командования: на сторону восставших перешел Сердобский полк под руководством бывших офицеров царской армии штабс-капитана Вороновского и поручика Волкова. Полк этот был сформирован сплошь из саратовских крестьян поздних возрастов. До солдат доходили слухи, явно не способствовавшие поднятию их боевого духа. Воевали они вяло, чаще сдавая свои позиции. В такой среде расцвела буйным цветом контрреволюция, развертывание которой не мог предотвратить слабохарактерный, не имеющий никакого влияния на солдат комиссар. Приставший к этому

полку Штокман ощутил настрой красноармейцев и после разговора с комиссаром отослал Мишку Кошевого в штаб с донесением. Сделал он это поздно, на следующее утро полк был окружен казаками, и солдаты добровольно сдались, большинство — вместе с оружием. Штокмана застрелили на митинге, на котором и было принято решение о сдаче, остальные двадцать четыре коммуниста полка были арестованы, а Мишка Кошевой спасся только благодаря заданию Штокмана.

Даже эта победа не имела уже никакого значения в общем ходе истории казачьего восстания. Чувствуя близость поражения, Кудинов, втайне от казаков, пошел на соглашение с командованием Добровольческой армии. Залетали аэропланы, поставляя бунтарям оружие и вести от казаков, находящихся в отступе. Решено было потихоньку перебираться на другую сторону Дона, что и посоветовал Григорий своей семье, передав это через Прохора Зыкова. Одновременно Зыков выполнял и другую просьбу Григория: он должен был вызвать в Вешенскую Аксиныю. Твердо решил Мелехов перед окончательным разгромом казаков соединить свою судьбу с этой женщиной и с ней уже дожидаться конца.

Ильинична и Наталья уйти из хутора, как наказывал Григорий, не смогли: Наталья тяжело заболела, лежала в горячке, а свекровь не могла бросить любимую невестку. За Дон перебрались Дуняшка с детьми и Дарья. Пантелей Прокофьевич поджидал красных среди хуторских пластунов под Татарским. Аксиныя, собрав свои пожитки, приехала, как и приказывал ей Григорий, в Вешенскую, где остановилась поначалу у своей тетки. Не смогла Аксиныя изменить огромному своему чувству, сбежала от мужа, не выполнив обещания — «не уйду».

22 мая началось отступление повстанческих войск. Население хуторов в панике устремилось к Дону. В Вешенской прохода не было от огромных подвод, доверху забитых казацким имуществом. Не желали старики расставаться с нажитым добром, тащили за собой одежду, хомуты, стулья, даже скот. В этой неразберихе не сразу Григорий разыскал свою любушку, а встретив, закрылся с ней у себя и два дня не отзывался ни на какие посылы Кудинова. На третий день из-за отъезда Григория в хутор проведать своих произошла у них размолвка: Аксиныя заявила свои права на него, отказалась принять обратно, если поедет навещать семью. Мелехов молча вышел во двор, сел на коня.

Решил навеститься в хутор и Мишка Кошевой. Но не просто за новостями, а с расплатой. Долго после гибели Ивана Алексеевича и других красноармейцев лелеял он эту мысль. И вот теперь при полном параде (как издавна повелось у казаков, въезжающих в родной хутор с войны) заявился Кошевой жечь дома врагов Советской власти. Некому было оказать ему сопротивление, хутор стоял осиротевший, брошенный. Двери и окна домов, прежде по-хозяйски крепко сомкнутые, теперь были распахнуты настежь, ни детского гомона, ни казачьего говорка не раздавалось за стенами и на улицах Татарского. Навестив пустой дом матери, убедился Мишка, что ждала его бедная женщина до последнего. Переделался в приготовленное заботливой матерью тщательно заштопанное, но безупречно чистое бельишко и пошел по хутору, оставляя за собой горящие курени. Был у Мишки припасен по такому случаю целый список, одним из первых в нем значился дом покойного Мирона Григорьевича Коршунова. Встретил Мишку только дед Гришака, почти выживший из ума: вроде и не собирался Мишка воевать с немощным стариком, да разозлился на упрямого казака, не желающего покидать родного дома, и застрелил его. Брезгливо обойдя труп, прошел в горницу и запалил дом.

Но не только с целью отмщения приехал тщательно принарядившийся красный казак Мишка Кошевой. Надеялся он встретиться с Дуняшкой Мелеховой, мысли о которой пронес он через все фронты и битвы. Но у Мелеховых застал он только Ильиничну. Сказал, что скоро собирается засылать сватов к Дуняше, так как любят они друг друга. На замечание Ильиничны, что не ко времени этот разговор, Кошевой гордо ответил, что самое время, а вот со сватами пока подождет. На этом разговор закончился, и Ильинична ушла в дом, даже не попрощавшись с нахальным хлопцем.

Вопросы и задания

1. Выделите причины, приведшие к восстанию казаков на Дону. Насколько мотивы, побудившие казаков выступить против большевиков, отличались от мотивов контрреволюционной борьбы «добровольцев»? (Гл. XII, XVI, XIX, XXVIII, XXXI, XXXII, XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XLI, XLIII, XLVI, XLVII.)

2. Как предыдущая жизнь Григория обусловила его участие в восстании? Докажите примерами из текста, что аполитичность казаков не является гарантией их неучастия в роковых исторических событиях. (Гл. XVI, XVII, XXX.)

3. Проанализируйте сцены казни Петра Мелехова, Котлярова, Лихачева и др. Имеет ли значение для автора, к какому из лагерей принадлежат жертвы? (Гл. XXXI, XXXIII, XXXV, XXXVII, XLIV, LVI и др.)

4. Какая любовная пара в этой части продолжает и развивает тему любви в романе? (Гл. V.)